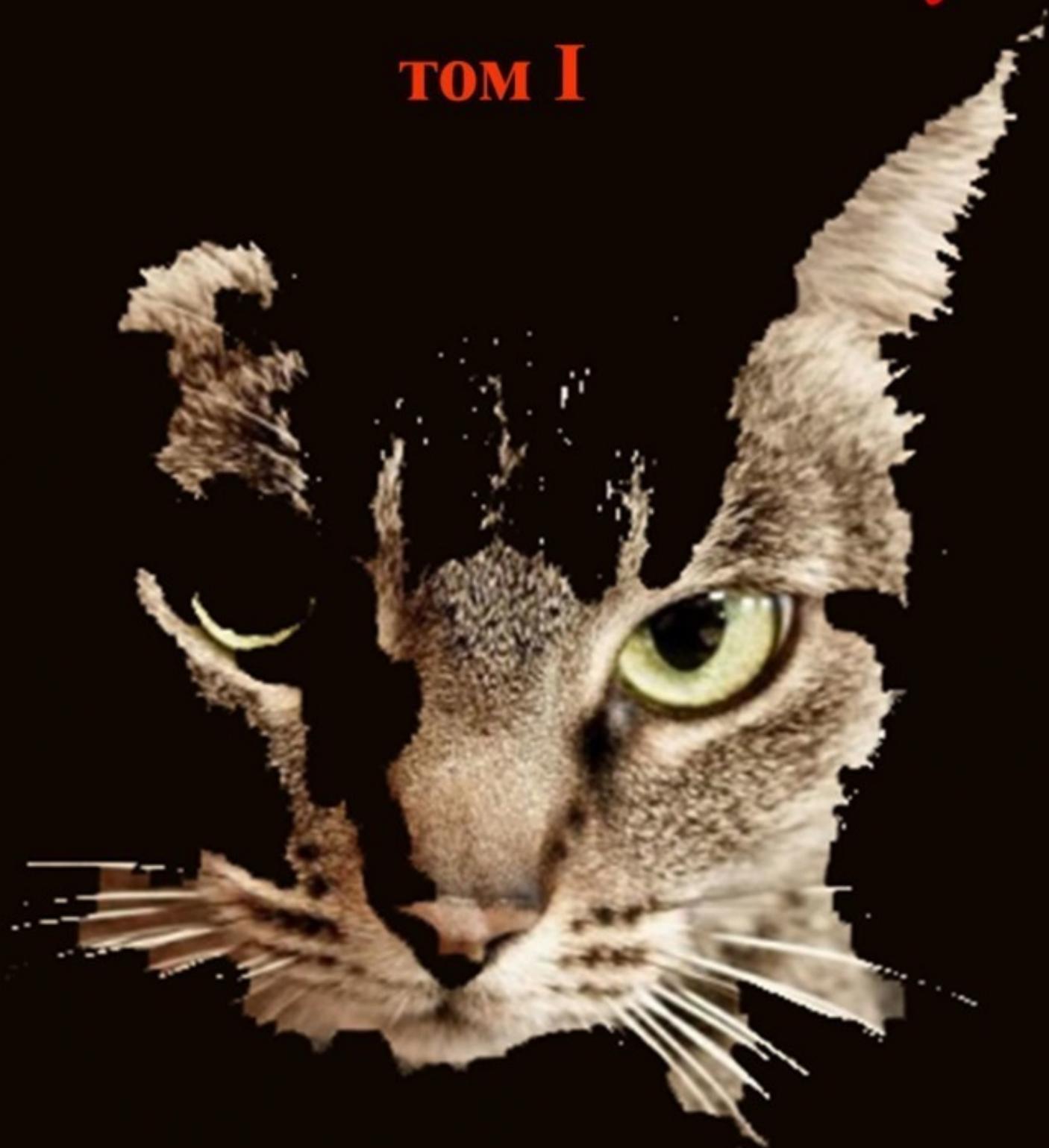

Жан Висар

Кот по кличке Мяу

том I

Жан Висар

Кот по кличке Мяу. Том I

«Издательские решения»

Висар Ж.

Кот по кличке Мяу. Том I / Ж. Висар — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-938309-9

Проницательный читатель, посмотрев на обложку, наверняка подумает: опять какая-то модная фантастическая жуть. Одно красное и черное! Да еще и кот с тяжелым взглядом. Никогда не судите людей по одежке, а книжки по обложкам. Никакой фантастики. Только реальная жизнь. Моя жизнь. Да и не только моя. Жизнь моих родных, друзей и знакомых и даже зверей. И про кошек, и про собак, и про медведей, и про мышей, и даже про дельфинов... Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-938309-9

© Висар Ж.
© Издательские решения

Содержание

К читателю	7
Великий секрет	12
Хорошо ли быть генералом?	15
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Кот по кличке Мяу Том I

Жан Висар

© Жан Висар, 2019

ISBN 978-5-4493-8309-9 (т. 1)

ISBN 978-5-4493-8310-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

посвящения

*Нашей дорогой и горячо любимой Коммунистической Партии—не **ПОСВЯЩАЮ**
Ее Центральному Комитету с его бессмертным Политбюро – не **ПОСВЯЩАЮ**
Лично всем ее горячо любимым Генеральным Секретарям не **ПОСВЯЩАЮ**
А посвящаю его незабвенной и неизменной супруге моей Наташке.*

ВОТ ОНА!

Прочти, душа моя, скромный труд сей, с любовью приготовленный мною специально для тебя. Прими в качестве подарка ко дню рождения твоего, кое, надеюсь, не преминёт последовать в нынешнее воскресенье, марта шестнадцатого, года 2003 от Рождества Господа нашего Иисуса Христа.

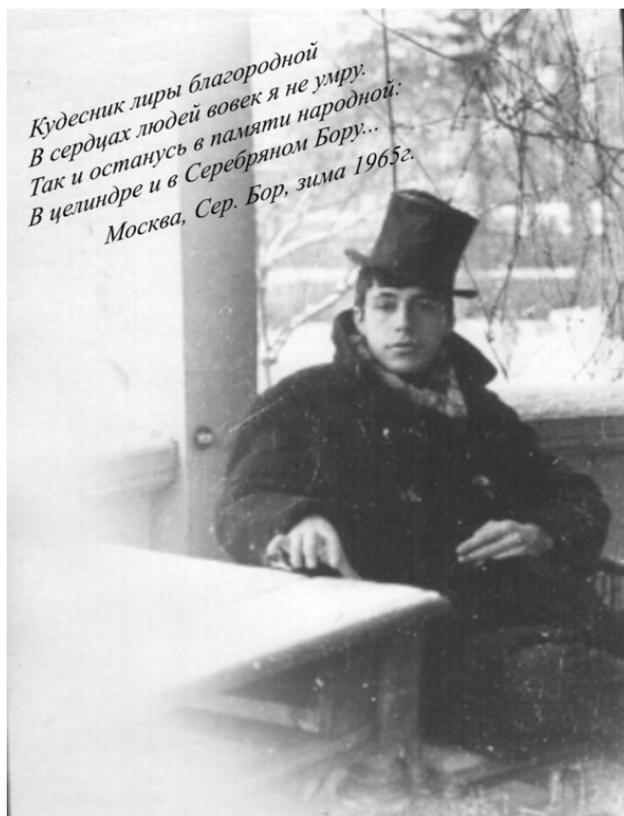
Прочти – ибо не повстречайся я, любовь моя, в свое время с тобою, не было и всех тех невероятных событий, каковы я, аки школяр нерадивый неопытностью, но шаловливою рукою своею попытался, как смог, вложить для тебя в сии скромные памятные записки.

Прочти, – ибо может быть окажутся они занимательными не только для тебя, как лишь воспоминания века минувшего, – о беззаботных днях юности твоей, но еще и как пример, как назидание для пылкой, но неопытной еще молодой поросли века нынешнего – в лице дочери нашей красотки Мари.

Прочти – ибо стесненный ныне обстоятельствами, известной тебе газификации нашего загородного домика, к стыду своему не могу, положить к ногам твоим, чего-либо более существенного, чем лишь эти несколько клочков бумаги, что ты, как я знаю, – душечка моя, не очень то и жалуешь, в то время, как сама, заслуживаешь, несравненно большего, чем даже и вся эта грёбаная газификация...

В чем и винюсь пред тобою. Начинающий пока литератор и все еще любящий супруг твой,

Отец (дочери нашей) Василий.

А ВОТ Я!

К читателю

Мгновенья нашей жизни

Пример достойный восхищенья:
Родиться точно в день рожденья,
И со дня свадьбы жить с женой,
Уйдя в день смерти в мир иной,
С приятным чувством облегченья...

А? Каково! Я имею в виду слог. Это ведь мои стихи. Я их сам, лично сочинил. Нравятся? Мне тоже очень. А как за душу то хватают? Прямо в грудях вибрации какие-то и в горле спазм...

– Что вы говорите? Вас не хватают? Ах, хватают, но ниже? И спазмы тоже ниже – в животе. И позывы...

Ага! Все! Я понял. Ни слова больше! Это Вы интеллигентно так намекаете, на то, что эти мои стихи – дерьмо. Эдакая у Вас аллегория про них. Загагулисто, но понятно.

Ну, что тут я могу сказать. Это, дорогой мой, потому, что у Вас, скорее всего, такое особенное восприятие поэзии. Дерьмовое. Отсюда и аллегории всякие. Стихи ведь надо не умом читать, а сердцем чувствовать. А Вы их даже умом понимаете неправильно. «С приятным чувством облегченья...» – это в них, дорогой вы мой, совсем не в том смысле, о котором Вы сразу подумали. Мол облегчился бедняга и тихо ушел от нас. Нет, дорогой мой. Это совсем не про то. Это – про духовное.

Видимо, дорогой товарищ, у Вас просто настрой сегодня сугубо матерьялистический, а может съели чего ни будь. С матерьялистами это бывает...

А, впрочем, все это неважно, потому что в этих глубокомысленных виршах только рифма моя. Содержание не мое. Чужое. Это, между прочим, свободный перевод классического английского лимерика. Я этим занимался, когда у Оксаны Николаевны английскому языку учился.

Что значит – у какой Оксаны? Да Вы что, и ее что ли не знаете! Ну, это Вы зря. Ее все знают. Половина моих знакомых у нее училась. И что характерно – все удачно. Усвистывают после этого в Америку токо так! Был человек, и нету. Хрюкал вроде совсем недавно: ай спик, хи спикс... А теперь вот в Америке. Ходит там себе в шортах на босу ногу, как белый человек, и в ус себе не дует, только зелеными ихними рублями по карманам шелестит...

А у меня учение это не пошло. Сколько она со мной не билась, я имею в виду Оксану, – ни фига. По-русски вроде еще терпимо – могу и чтение, и письмо, а ихний – ну, никак! Так и сказала, – «нелингвистический тип» ... В смысле – в то время, когда все глаголы ихние спрягают, я почему-то лимерики перевожу. Все уже герундий грызут, а я вот свои специальные лимерики придумал и назвал их висариками, чтобы дурацкие эти аглицкие выражения – идиомы, лучше запоминать. У меня таких стишков много наделано. Жалко, что сюда, в этот роман их впихнуть нельзя – не по теме. Но один все-таки приведу для примера – про философа:

ДОФИЛОСОВСТВОВАЛСЯ

Как-то Канта я спросил:
«Зайдем в бордель, Эммануил?»
На ухо прошептал мне Кант:
«I'm afraid I can't.» (К сожалению, я не могу)

Не плохо, да? И запомнить можно, и юмору навалом, и подтекст...

Да я знаю, что Вы на это скажите, – «просто стимула, мол, у него не было (не у Канта, а у меня). Баловство одно и разврат. Если бы ему надо было в Америку срочно ехать, да деньгу там зашибать, как остальным, то не занимался бы всякой фигней на букву „х“, а нормально учил бы язык, как следует, и давно бы спикал бы по-ихнему за милую душу, как и все эти остальные».

Да, нет же, дорогие вы мои! Я вам еще раз объясняю. *Совсем не в этом дело.* Я учил. И как следует учил, и так. По-всякому учил. Ну, не идет, гад, и все. Видимо, все-таки права – лингвистический тип!

Да, и причем тут стимул! Ну, был я недавно в этой вашей хваленной Америке, представление о которой с детства, надо признаться, имел весьма смутное. Такая, знаете, гремучая смесь разного идиотизма из газеты «Пионерская правда» под рубрикой «Их нравы» и залихватских ковбойских сцен из «Великолепной семерки», которую я в детстве смотрел раз, наверное, двадцать. Больше даже, чем нашего «Чапаева».

А теперь вот и сам там побывал. Прямо в самой Америке. Целых три месяца отсидел. Честное слово! Отрубил весь свой срок – от звонка до звонка. Ну и что? Нет, по началу, конечно! Поначалу захватывает! Врать не буду. Я прямо, как с трапа самолета тогда сошел, сразу записал в свой блокнотик...

Я себе специально такой блокнотик приготовил для Америки, чтобы всякие умные мысли в него записывать и путевые заметки вести, как у всех заправских путешественников принято.

Так вот, с трапа спускаюсь, и прямо между небом и землей, прямо при спуске, видимо от стресса, родились такие строчки:

Ой! У меня истерика!
Передо мной Америка!

А больше так ничего там и не сочинил. И заметок никаких. Только такой хороший блокнотик в красивом переплете под свиную кожу одним этим единственным стишком и изгадил. Потому что, ничего там такого особенного в этой вашей Америке нету. Совершенно верно вздыхал в свое время грустный ученый ослик по имени Иа из известного мультфильма: *«На той стороне лужи ничуть не лучше, чем на этой...»*.

Сама то лужа, конечно, побольше будет. Емкая лужа – целый океан. Всю задницу отсидел, пока через нее перелетел. И океан этот, надо сказать, впечатляет – врать не буду – длинный.

Ну, и деньги их зеленые! Это, что-то! И смех, и грех просто. Если, к примеру, нашу местную зарплату, ну ту, которую нашим русским ученым осликам иногда выдают, с этой лужей из мультфильма сравнить, то тогда – американская зарплата – как раз на тот огромный океан походить будет. Что говорить: аллегория и здесь в их пользу получается. Грустная, скажу я вам, аллегория...

Зато туалеты там! Ихние туалеты – это вообще песня! Ой, а запах, ребята, какой! Если бы вы знали, какой там потрясающий запах, – совсем не такой, как в наших, и мыло бесплатное, – мылься, сколько хочешь. Про бумагу я вообще не говорю – хоть километрами мотай – никто слова не скажет. Даже выходить оттуда не хочется. Сидел бы и сидел...

Да, забыл, – еще, конечно, свобода там. Все можно. Что не запрещено – все можно. Я это сразу еще при прилете почувствовал. Там на паспортном контроле, негр такой огромный на выходе стоит. И спрашивает меня. Вы, мол чего сюда приехали? А я летел вместе с одной нашей студенткой. Я ему, негру на нее показываю, мол она ответит. Я по-вашему, товарищ афроамериканец, ни бэ, ни мэ. Она ему: мы едем в университет штата Колорадо. А он опять

про меня. А он в качестве кого туда едет: лайк э стьюден, ор лайк э тичер? А та растерялась и говорит: лайк э стьюдент. Негр на меня посмотрел, на седого то деда. Тяжело так посмотрел. Но ничего не сказал. Потому что не запрещено. Хочет дед быть студентом – его дело. Иди себе и учишь на здоровье, если еще по дороге не окочуришься... Свобода...

А так, больше ничего особенного у них там нет. Даже хуже, чем у нас, потому что у них там языковая проблема. По-американски – «ленгвичь проблем» называется, с ударением на первый слог. Первые дни очень она, эта «проблем», утомляла. Для нелингвистических типов, вроде меня, сильно неудобно. В смысле, – перед ними неудобно. Перед пиндосами. Чего ни будь спросишь по-ихнему, а произношение у меня такое, что они только морду всю так скособочат, знаете, – как при зубной боли, так сощурятся все, скукожатся – пытаются, бедняги, понять, чего мне от них надо-то. Так напрягаются от вежливости, что прямо жалко их.

Но это только в начале было. А потом ничего – освоился я немного, подумал про себя: а почему это только мне неудобно-то? С какой это такой стати? Это не по-нашему. У нас – равенство. Мы тут привыкли, чтобы всем одинаково неудобно было. Раз мне поганно, то и им так же поганно должно быть. В полном соответствии с любимой нашей идеей о социальной справедливости.

И вот, когда я это сообразил – легче наше межязыковое общение пошло. Чуть что, я им сразу – «Gays! Гm very sorry! You have a problem! I don't speak English!», – в смысле – «Пацаны, я, конечно дико извиняюсь, но вы опять попали – я по-вашему, по-американски, то есть, – совсем ни бум-бум.

Въезжаете в тему? – «You have...». То есть, – не у меня проблема-то, а у них. Знаете, как такой подход облегчает – прямо гора с плеч. Те сразу конфузятся, демократы хреновы, напрягаются. А напрягаться они не любят, поэтому все проблемы быстро как-то сами собой решаются. Так что и без языка можно в этой Америке прожить, если есть рядом англоговорящие российские ребята – для всяких сложных случаев. А они, наши ребята, почти везде там, в Америке имеются. И у меня были. А как же! Целых два: Фазли, – мой шеф, который меня туда и вытащил, и его жена – Катя. Благодаря им «ленгвичь проблемс» у меня там никаких не было. Ну, почти никаких. Вот, кстати, мы как раз все втроем там, на ихнем стадионе сидим. Я справа, с полосатым тоже ихним флагом. Весь такой, какой-то задумчивый, а рядом Фазли сидит, а потом Катя.

КАТЯ, ФАЗЛИ и Я

Да, да! Этот, который справа, – это тоже я. Но только, – я вас умоляю! Давайте без этого, а? Без этих сравнений. Не надо так пристально вглядываться и цокать языком, в изумлении качать головой, восклицать и удивляться...

Да! – несвежий человек на этой фотографии – это тоже я. А что вы думали? Это только в песнях поется: «Каким ты был, таким ты и остался...». А в реальной жизни эвон как –

вроде бы совсем недавно все и было то... Ну, вот же – буквально токо-токо... Ведь и десяти лет, наверное, не прошло, хотя нет, что я такое говорю? Больше, – около двадцати. Впрочем, какой там двадцати, и не двадцати даже, а черт его знает уже скольких лет!

В общем это неважно! Мало ли, когда! Вот ведь время – какая все-таки вещь обманная, когда тебя лично касается...

Ну, ладно. Короче, был я в цилиндре, как это показано на первой странице, – розанчик эдакий, – молоденький-молоденький, со штанами полными счастья. И было это еще там, в Москве, в Серебряном Бору, на чьей-то даче. Мы там были вместе с Татьяной, которая тогда меня там и сфотографировала, а позже стала и моей первой женой. Тогда же, на этой даче, она была еще просто так – подружка. А ключи нам с ней выдали всего на несколько часов. Спрос на этот полуразвалившийся домик был огромный, потому что там была печка, а за печкой как раз и валялся этот выдавший виды драный и пыльный цилиндр, который я зачем-то и напялил на голову.

А теперь вот я в Америке – седой дедок и с флагом. С другой стороны, Катя. А рядом со мной – Фазли в белых штанах, потому что здесь жарко и лето.

А Серебряный Бор тот, и я в нем, и этот цилиндр там на мне остались черте где – в другом тысячелетии и на другой стороне Земли, и зимой... А, впрочем, может и там – в том далеком заснеженном 1965-ом этого уже тоже нет? Сожрало его ненасытное Время, имя которому Хронос. И как будто и не было ничего? Одна Пустота...

Фантастично и непонятно!

Но, прошу извинить, – это всё лирика, которая, как я уже говорил, у меня в Америке не пошла совсем. Что поделаешь – ностальгия там. Для одних – способствует стихосложению, для других – наоборот. Да, я сейчас и не в том жанре работаю. Не до лирики мне. Проза у меня сейчас идет, дорогие мои. Выходит из меня пока одна проза. И выходит, и выходит. Прямо так и прет из меня эта проза. Так и вылезает, будь она неладна! Буквально исхожу я ей...

Кстати, одно прозаическое произведение я уже из себя извлек. Еще год назад. «Боря вышел из моря» называется. Романчик такой маленький. Скорее даже повесть. Мой первенец. Про Борю Лейбовича. Не читали? Зря. Советую прочесть. Забавная, между прочим, вещичка. И национальный вопрос там, в смысле – евреи, и бриллианты, и криминал, и вообще...

Ой, такой я тогда еще глупый был писатель, – в смысле – неграмотный. Вернее, неграмотным я был, есть и буду теперь всегда. Я же Вам говорил, – нелингвистический тип. Правильней сказать, не неграмотный я был, а неопытный. Тогда я еще просто не знал с чего начинать всю эту литературную бодягу. Прозу эту. Опыта не было.

Представляете! Сел и, как очкарик-отличник, начал писать роман прямо с предисловия. С самого начала. Ну, типа – раз предисловие, то с него и надо начинать – оно же перед всеми словами. Общий план произведения составил, название, кто автор, краткое содержание каждой главы, образы там раскрыл и все такое – типа: «В первой главе своего произведения автор мастерски раскрывает образ кота...

Ну, и так далее, как нас в школе по литературе учили. И что вы думаете? Не пошел процесс. Не знал я еще, что по плану такие вещи не делаются. Как только начал раскрывать, так меня сразу в такие дебри там занесло, с Борей этим...

Теперь то я уже ученый. Свой второй роман я сначала весь от начала до конца написал, а уж только потом, когда сам же его от корки до корки прочел, то это предисловие для вас и начал писать.

Это же и есть «Предисловие» к моему второму роману. Ну, вот это вот самое. Ну, то, чего вы сейчас читаете. Вы чего не поняли? Это моё «Предисловие» и есть.

Этот – следующий роман у меня уже не про Лейбовича, а про Мяу. Мяу – это наш кот был. Вернее, это – как-бы про кота, но параллельно и про меня самого тоже. И про других людей и разных животных.

Ну, скажу я вам! Прочитал и понял. Все-таки – я дал! Такого там нагородил! Даже сам от себя не ожидал. Произведение то это вроде бы про кота получилось, но все-таки оно же историко-автобиографическое. Про реальную жизнь – и про мою, и про жизнь моих друзей, родных, знакомых и приятелей, и про все, что вокруг нас было, и внутри нас. Хотел всего один год этой ихней, вернее той нашей общей жизни описать, а получилось, как с Борей...

Такие, знаете, реминисценции глубочайшие пошли, аж прямо до самого раннего детства пробило. Насквозь. Через всю жизнь. Во как!

А по форме и стилю, – вы обалдеете, – чего только туда не насовал. И стишата разные, и анекдоты, цитат одних всяких умных и приятных – море, и воспоминания натуральные есть в виде рассказиков, и всякие там притчи-небылицы, и сны мои вошли. Целых четыре сна получилось – как у Веры Павловны, или даже больше. И про людей там, и про зверей всяких, и даже про одного еврея Мойшу. И про Бога, и про черта. А также вершина моего, уже нового, уже драматургического таланта – маленькую пьеску даже куда-то в середину текста вонзил – одноактную, но из двух персонажей. Есть и небольшие философические рассуждения, так сказать мысли вслух, но это так, – по ходу, поэтому на них внимания можно и не обращать.

А иллюстрации какие! Закачаешься! В первом то романе никаких иллюстраций у меня не было. А здесь я чего-то засомневался: а вдруг народ чего не поймет или представит себе что-то неверно. Описывать то всякое разное пока еще не очень-то мастак. Вот и решил снабдить текст поясняющими картинками. Купил себе сканер дешевенький и теперь: и живые фотографии у меня там есть, и самодельные карандашные рисунки – в тех местах, где подходящих фотографий не нашлось, и фотомонтаж разный, и схемы всякие, и карты с планами. И черно-белое, и цветное, и даже черно-белое, но мною электронным образом, раскрашенное! Во как! Много всего...

А сам сюжет и стиль изложения, – незатейлив, и я бы даже сказал – легкий, но изящен. В старину про такие книжки обычно писали: «Недорогаго, но изящнаго издания...»

И еще: хочу сразу предупредить – хоть рисую я не лучше, чем излагаю, но, как мне показалось, при внимательном прочтении, основную мысль всегда понять можно и из написанного, и даже из нарисованного. А если все-таки чего непонятно – мой совет: прочти еще раз и подумай. А если все равно не понял – значит сам дурак. Короче, текст интересный. Кто соблазнится, – не пожалеет. Я уверен.

Ну, что, заинтриговал? Готовы окунуться во все это с головой? Испачкаться не боитесь? Там есть места, где можно.

Всё равно готовы?

Ну, тогда поехали...

И начнем, как водится, с самого начала. Итак:

Великий секрет

Интересный вы человек! Все то у вас в порядке. Удивительно, с таким счастьем – и на свободе.

Остан Сулейман Берта Мария Бендер-бей

Уж извините, но всю эту историю придется начать не только сначала, но еще и изда- лека. Черт знает откуда. С самой Камчатки. Есть такой полуостров. Если на нашей карте смот- реть – то направо в нижнем углу. Правее некуда. Самый дальний угол – конец света. Не зря же в школе последние ряды парт, глухое захоlustье, где обычно гнездятся и невесть чем зани- маются во время уроков самые отпетые разгильдяи, хулиганы и двоечники, тоже называют именно «камчаткой».

Действительно, на карту посмотришь – хрен знает где, а я там был. В начале восьмиде- сятых. В командировке.

Там у местных ученых возникли какие-то проблемы с рыбой. Что-то типа того, что раньше ее было у них там – завались, а теперь ни фиги нет. Вот и решили столичную науку к этому вопросу подключить.

Нас пятеро было – четыре дамы: Натка Лаврова, Светка Савоскул, Ксения Павловна Гутионтова, которую мы все любовно называли Ксюшей и Людка Белова – я ее тогда еще не знал – она в другой лаборатории работала:

Наташка Лаврова, Светка Савоскул, Ксюша

Ну, и я при дамах – пятый.

Никто из нас в этой красной рыбе, да и в любой другой, конечно, ни бэ – ни мэ. Я имею в виду не в смысле – закуски, а в смысле – чтобы ее опять много стало, как раньше. Но деньги то Министерство рыбного хозяйства уже нашему институту подбросило, а нам ведь тоже инте- ресно – Камчатка же! Вулканы! Горячие минеральные источники – целые озера горячей мине- ралки! Долина гейзеров с фонтанами! Вы чё? И все это на халяву, да за казенный счет. Тут не то что ученый – любой дурак поедет. Вот мы и поехали.

Вернее, полетели. Летим в Петропавловск-Камчатский. Долго летим. Как раз самое время рассказать о тогдашнем моем житье-бытье и общем жизненном настрое.

Настрой у меня надо сказать на том жизненном отрезке было просто люкс! Потому что, как известно из классики – «вся наша жизнь – игра...». И именно тогда, в этой игре мне такой прекрасный прикуп выпал, ну, просто все в жилу. Полностью во всем период пошел перелом- ный. И в лучшую сторону. Как показал последующий опыт – редчайший случай.

Во-первых, возраст отличный – тридцать пять лет, когда мужик, что называется, в самом соку.

По работе все тоже ОК. И нравится, и недавно защитился – уже кандидат наук.

Опять же, с первой своей женой – Татьяной недавно развелся. Буквально пару недель назад стал полновластным хозяином однокомнатной квартирki. Малюсенькая, правда, – всего одиннадцать и одна десятая метра жилой площади, но зато кухня – целых два с половиной квадрата и отдельный санузел с сидячей ванной. Что ты! Это же класс! И комната только моя, и кухня моя, тоже с окном, и санузел тоже мой! И я один в нем – свободный как ветер! Хочу туда, и даже дверь могу не закрывать, хочу на кухню, хочу – запер дверь, и хоть на самую эту Камчатку! Свобода!

А финансовую сторону взять – и тут просто прелесть какая-то получается. Тогда ведь у нас как было – за каждый дополнительный червонец к зарплате борьба шла лютая. Несколько лет нужно было отслужить беспорочно, да еще с колхозами и овощными базами, субботниками и воскресниками, общественными поручениями и политинформациями... И все это только для того, чтобы всего одну бумажку эту к зарплате прибавили. А дослужиться до начальника – завлаба там или зав. отделом, где настоящие зарплаты водились – всей жизни не хватит. Да, честно говоря, у меня никогда такого желания даже и не возникало – начальником то быть.

Наукой заниматься в свое удовольствие – это пожалуйста, исследовательский кайф ловить и удовлетворять собственное любопытство за государственный счет – это сколько хотите. А вот вверх по должностям карабкаться, вокруг начальства крутиться, на совещаниях всяких рожу умную строить, да стружку с несчастных своих подчиненных снимать – это же совсем другое. Этого, понимаешь, – уволить к чертовой матери! Того, наоборот, – на ударника коммунистического труда выдвинуть. Как у нашего сатирика – «сначала этих посадить, а тех выпустить, а потом, – этих выпустить, а тех, которые еще не сидели, наоборот, непременно посадить!»

Нет, это все не по мне – суета одна, да тоска. Но жить то как? Ведь, что ни говорите, и на сто двадцать рублей жить – ведь тоже тоска. Даже еще тоскливее чем начальником. Но, оказывается, если разобраться и вникнуть в особенности тогдашнего нашего жизнеустройства, то даже и из этого казалось бы безысходного противоречия, тоже можно было выход найти.

И я его нашел. Еще несколько лет назад, немного разобравшись в запутанном и бестолковом существе зарплатообразования научных работников, я вдруг сделал для себя одно важное, можно сказать удивительное и судьбоносное для меня открытие.

Начальники ведь они тоже разные бывают. Если ты, например, – зав отделом, то целой ротой научных сотрудников должен заправлять – сто человек, к примеру! Да от них с ума сойдешь! За всех и за все надо отвечать, в сварах ихних бабских со слезами, да истериками разбираться, политграмотность всемерно повышать, дабы не дай Бог, кто-то из них, не предупредив заранее, не развелся или, что еще хуже, – за кордон не убер, с алкоголизмом бороться, премии мизерные делить, на картошку всех распределять, невзирая на фальшивые, полученные у знакомых врачей, справки про месячные и плоскостопие. Кошмар! Правда, за это твое усердие каждый из них будет перед тобой лебезить да кланяться, а про себя поносить нехорошими словами. А сверху над тобой еще больший начальник на тебя кулаком по столу стучит, уволить грозиться, а ты, потупив глаза, как двоечник у доски, изволь только бормотать в ответ: «Извини, Иваныч, – ты же меня не первый год знаешь, обещаю – такое больше не повторится, мамой клянусь. На больничные же все они, гады эти, попрятались, – якобы эпидемия у них там, грипп. В следующий раз обязательно полную норму дам, сам с ними поеду. Сто процентная явка будет, честное партийное слово даю, всех этих засранцев, как одного, на поле выгоню!».

Тьфу, ты – гадость какая! Да разве ж это жизнь! Тем более – научная. Какая уж тут наука. Нет уж! К такому стремиться – да, ни за что на свете! Уж лучше на 120 рэ. прозябать. Но это я так раньше думал – до своего гениального открытия.

Потому что можно руководить огромным отделом, а можно, наоборот, небольшим таким камерным подразделением в два-три человек, а, если получится, то и вообще в одном един-

ственном собственном лице. Маленький такой, скромный, никому не нужный начальничек. Заведуешь себе сам собой и сам собою же и руководишь. С коллективом у тебя, как вы сами понимаете, взаимопонимание полнейшее. Сам себе задачи ставишь, сам с себя и спрашиваешь. Ковыряйся в свое удовольствие, грызи себе тихонько гранит науки сколько влезет. Но только именно тихонько, как мышка за шкафом. Грызи и не высовывайся. Хрум-хрум, хрум-хрум...

А еще лучше, если над тобой в качестве этого шкафа твой дружок – зав. лаб., тоже небольшой какой ни будь лаборатории. А ты под ним еще меньшим заводом заховался. Тут уж тишина полная. Покой. Рай земной.

Вы скажите, – но у него же тогда и зарплата соответствующая. У этого – который сам себе и начальник, и подчиненный. И никому не нужен. А вот и нет. Вот и нет! Тут вы маху дали, да и немудрено, я же и сам так сначала думал. А оказалось, – нет.

Это и есть мой главный секрет. В том то и суть, что тогда зарплата в отраслевой науке совсем не от того зависела большой ты начальник или маленький. Умный ты или глупый. Скучный продолжатель чей-то научной школы или бунтовщик, ниспровергатель основ. Да наплевать! Все это тех, кто зарплату назначает, нисколько не интересовало, потому что зависела ваша зарплата, вы не поверите, от другого совсем. От одного махонького слова из трех букв. Причем даже не того, о котором вы сейчас подумали. Совсем другое было слово. Слово – «Зав.». Закон, который я тогда открыл, был прост до безобразия и гласил: «Если перед названием вашего подразделения стоит это короткое, как заклинание, слово «Зав.», причем совершенно не важно «Зав.» чего, то – извольте прямо в кассу, и оклад 250 рэ. в месяц – ваш. Если вы при этом еще и кандидат наук (а равно и доктор), то уже – 350 – прошу получить! А если у вас еще и набежало десять лет научного стажа, то тогда все – конец всему, вершина! 400 рэ! Бешеные по тем временам деньги!

Представляете, как все просто! И когда я в теории этого дела разобрался, то стало очевидно, что для повышения благосостояния советскому ученому всего-то нужно: – первое, получить самую маленькую должность, но обязательно с этой волшебной приставкой. В нашем институте такая должность была и называлась она очень скромно – «зав. сектором», ну, и второе дело, – защитить диссертацию. А научный стаж – он и так, сам собой накапает. И все, господа! Больше ничего делать не надо! Причем – всю жизнь, до самой пенсии, тоже кстати, повышенной. Только эти два условия и все. И дальше можно заниматься только любимым делом – сколько влезет и в свое удовольствие, потому что выше уже некуда. Буквально как в песне – «И ты на вершине. Ты счастлив и нем!»

К описываемому моменту, я, применив эту, разработанную мною, теорию на практике, и подтвердив тем самым, что именно она – практика и является критерием истины, как раз этой заветной вершины и достиг.

Из банального рук. группы, штатное расписание которой было очень скромным, ибо состояло всего из одного человека – меня самого, я превратился в высокооплачиваемого зав. сектором, а, будучи уже и кандидатом наук, сам собою в этом секторе теперь и заведовал.

Хорошо ли быть генералом?

Вымирают динозавры
Умирают старики
Дольше всех живут кентавры
И бессмертны дураки!!!

Стихи поэтессы Е. Горбовской, прочитанные мне ныне покойной Ксюшей, как комментарий ко всей этой истории.

А произошла эта метаморфоза как-то сама собой, весной 80-го. Вот уж действительно – главное правильно поставить перед собой жизненную задачу и не дергаться, а оно и само тебя на ее решение вдруг как-то и выведет. Причем даже не так как ты сам ожидаешь, а как-то неожиданно – по-своему. Так и здесь получилось.

Нас всех тогда заставили заполнять какие-то невысказанно крутые анкеты. Не на двух листках, как обычно. Нет! Это было, как говорят в Одессе – чего-то особенного. Тонкие, но большие – в печатный лист – сброшюрованные тетрадки на серой бумаге в несколько страниц. И называлось все это почему-то – «Выездное дело».

Ответив на десятки поставленных там, совершенно идиотских вопросов, нужно было, как говорится, «взять на карандаш» всех своих родственников. Всех – до седьмого колена! Ну, не до – седьмого, конечно. Но до третьего или даже до четвертого – это точно! Бабушки, прабабушки, шурины и девери... Их дети и жены. Настоящие жены и бывшие жены. И девичьи фамилии и тех, и других. Кошмар! Кто, где и когда родился. Кто, где захоронен. Участвовал, – не участвовал. Был, – не был. Состоял, – не состоял. Привлекался, – не привлекался. И черт его знает, чего там еще не было!

Неделю или больше с этим проковырялись. Ездили в Купавну, где находилось головное здание нашего института, консультировались в первом отделе, а потом переписывали все заново. И так несколько раз. Поди знай – каково было социальное положение мужа сестры твоего отца, родом откуда-то, из-под Харькова, которого никто и в глаза то не видел. Был ли он интернирован или – в плену, или – за границей, или – под судом и следствием, или – у черта на Куличках! Крыша от этого поехать может. Но, тем не менее, как-то заполнили и сдали.

А потом все затихло. На несколько месяцев. Уже все и забыли об этом. И тут, вдруг... Когда же это было? А было это уже в конце лета, вернее, уже осенью прошлого года, когда мы с Натальей как раз напрочь разругались и, как тогда казалось, расстались навсегда. Прибывал я по этому поводу в тоске и печали. Полностью ушел в работу и только ею и занимался.

Вдруг всех нас вызывают к директору. В его московский кабинет. Кто-то еще там с ним был. Толи гэбешники какие-то, то ли военные, то ли из первого отдела. Собрали всех, человек, наверное, десять – двенадцать. От нашей лаборатории только мы с Володей Рымарчуком. Мы тогда с ним все время вместе были, как шерочка с машерочкой. Жора – наш завлаб, почему-то тогда с нами не поехал, хотя с анкетами мучился, как и все.

Собрали нас и начали накачивать, что, де предстоит супер секретная командировка, что никому ни слова, что, если будут спрашивать, – где были, отвечать, что, – в каком-то городе, например, в Омске, на каком-то калошном заводе. А еще лучше говорить, как в том анекдоте – «не помню где, не помню когда, не помню с кем, – но шарман, шарман...» Короче, что кому в голову придет, то и отвечать.

На вопросы о том, когда и куда поедем, на какой срок, и что с собой брать из оборудования, т.е., придется ли там, что-то мерить, или какие-то эксперименты ставить – было нашим директором – армянином и хорошим человеком сказано так:

Ребята, дорогие мои, очень вас всех прошу. Никому – ни слова. Я сам ничего нэ знаю. Отнеситесь к этому делу сэрьезно. Это я вас лично прошу. С понедельника всэм дома сидеть – никуда нэ выходить. В любой момент звонка ждать. День ждать, два ждать, недэлю ждать. Сколько надо – столько и ждать. И все! И никаких вопросов. Вы поняли мэня, что я сказал?

Все закивали головами, как китайские болванчики.

– А билеты? – все-таки не выдержал кто-то. Этот, казалось бы вполне разумный вопрос, почему-то вызвал у начальников гомерический смех, а отсмеявшись Пирузян только и сказал:

– Никаких билэтов не будэт. Все. Всем сидеть по домам тихо. Вы поняли мэня, что я сказал?

Все опять закивали, хотя никто ни черта не понял. Вывалили все оттуда приятно заинтригованные и в какой-то веселой растерянности.

Ну, что делать? Стали мы с Володей думать, что с собой брать. А что тут придумаешь, когда информации никакой. Куда едем? На какой срок? Это где-то в городе или вообще в чистом поле, на полигоне. И такое может быть. И тогда решили: берем всего – минимально. Вдруг таскать на себе придется, – замучаешься.

Итак, берем всего один маленький самодельный переносной приборчик, на батарейках. Он в портфель легко помещается. Правда, с ним проблема. Для этой нашей методики кровь нужна. В Москве то мы на донорской крови работали. Брали на станции переливания флакончики небольшие и держали их в холодильнике. Несколько дней с ней можно было работать.

А тут как быть? Даже, если там, на месте и есть холодильник, то как туда то довести – в дороге ведь все протухнет.

Но наш советский ученый, как вы знаете – самый находчивый ученый в мире. Школа жизни приучила его приспособливаться к любым условиям. Превалируют в нем не столько знания и исследовательский талант, сколько находчивость, смекалка и интуиция. Генетика у него такая. Заграничный то ученый, например, если на помойку пойдет, то только для того, чтобы что-то выбросить ненужное. Нечего ему там больше делать, на помойке то, или на свалке. А может – там и помоек то никаких нет. Я, лично, не видел.

Но, что знаю доподлинно, так это то, что наш то Кулибин, нарочно крюк сделает, чтобы мимо помойки пройти. Не для того чтобы что-то выбросить. Вы что! Он никогда ничего не выбрасывает, наоборот, годами все барахло, как Плюшкин собирает. Нет, он туда идет, чтобы найти, в отличие от импортного ученого, что-то нужное. И еще на подходе его уже исследовательский азарт разбирает: Ну, что там сегодня интересенького? Что там для нас сегодня выбросили. И находит ведь! Причем то, что надо находит. Глядишь, уже тащит железяку какую-то. Помыл, почистил – и уже к своему агрегату пришпандорил. Как будто она тут и была всю жизнь. Как будто для этого ее и сделали и специально для него на помойку выбросили.

Ну, это я так, к слову. А придумали мы с Володей вот что. Ну, с кровью то. Простое и красивое решение получилось. Был у меня термос маленький. Как раз, по размерам – в дипломат мой вписывался.

Вот и решили: как только сигнал на сбор от директора поступит, в термос этот льда напихать из морозилки, туда, в тающий лед, резиновый мешочек через горлышко опустить, а в него кровь налить и сверху мешочек завязать, а термос закрыть. Просто и надежно. И влезает много. Ну а в качестве того мешочка, использовать – сами понимаете, что. Не догадались? Ну, для безопасного секса. Ну, как бы это вам поинтеллигентней то объяснить? Ну, не знаю даже...

Даже и сейчас смешно, когда вспомнил, откуда появилась эта идея – насчет того резинового мешочка. Володя первый и надумал. Как раз, тем вечером кто-то анекдот рассказал – про монашек.

Идут две монашки по дороге и вдруг – презерватив лежит. И заспорили. Одна говорит: – Это одежка.

Другая: Да нет, сестра! Это обувка.

– А я тебе говорю – одежда!

– Обувка!!!

И уже чуть не в драку. А тут батюшка навстречу идет. Они к нему: Рассуди отче...

Батюшка подумал и говорит: это – и не обувка, и не одежда. Это, сестры мои, – херомантия...

Все тогда только засмеялись, а Володя задумчиво так и говорит: Надо эту херомантию кровью наполнить и в термос со льдом засунуть. Сначала даже и не поняли. Что это с ним. Ну, а потом то просто зауважали.

Теперь то вы уже поняли всю гениальность этого Володиного технического решения. Конечно, здесь только презерватив и может помочь. Причем наш – отечественный (а других тогда еще и не было), производства, известного на всю нашу огромную страну, Баковского завода резиновых изделий. Так называемо «Резиновое изделие №2». В любой аптеке – четыре копейки пара. Оригинально и недорого.

Ну, что ж – к поездке в неведомое мы с ним подготовились, командировочные получили – сидим по домам – ждем. Никуда не выходим, по телефону только перезваниваемся. Весь понедельник просидели – тишина. А уже во вторник утром – действительно звонок:

– Такой-то, такой-то? – Уточнили адрес, выяснили, как подъехать, и приказным таким тоном, – ждите! Через полчаса машину подадут. В девять пятнадцать – быть с у подъезда! С вещами!

Я собрался за пять минут. Заправил термос – все у меня уже было заранее подготовлено, и кровь, и лед в холодильнике и тщательно отмытое резиновое это изделие.

Вышел на улицу – жду. Точно – минута в минуту подъезжает черная «Волга». Там уже трое наших ребят сидят. Подбирают они и меня, включают мигалку и с воем – на Фрунзенскую набережную.

Я тогда еще на Таганке жил. Доехали по набережным за пять минут. Прямо к зданию Пентагона, напротив «Парка культуры». Стали в сторонке рядом с двумя такими же «Волгами». Другие товарищи ученые уже стайкой стоят недалеко от других машин – курят. Разрешили и нам выйти покурить, но отходить далеко от машин было не велено.

На своей белой «Волге» подъезжает Пирузян, директор наш. Только ручкой всем сделал, быстро поднялся по ступенькам и скрылся в здании, за огромной дверью. Мы ждем.

Час ждем, два ждем. Уже утро кончилось. Солнце припекать начинает – бабье лето. Водители в машинах дремлют. Нам уже тоже ждать надоело – сидим на газоне на солнышке, мороженное жуем. Кто-то, самый смелый, все-таки сбегал – на всех купил.

Тут выходит наш директор, а с ним генерал какой-то. Настоящий. В фуражке, штаны с лампасами, и морда такая бульдожья – все, как положено. Тут все опять по машинам расселись. Мы с Володей попали в Пирузяновскую – белую. Портфельчики свои в багажник закинули и поехали. За рулем – Толя Зверев. Он тогда у нас в институте уже зам. директора был. Рядом с ним Пирузян сел. Мы с Володей сзади. Едем. И тут Пирузяну не понравилось, что Толя медленно машину ведет. Отстали, де мы, от других машин – они то с мигалками, едут, не снижая скорости, на светофорах не останавливаются.

– Стой! – Пирузян кричит, – вылезай! Тэперь я рулить буду.

Сел сам за руль – и сразу по газам. Понеслись, нарушая все мыслимые и немыслимые правила. Быстро догнали остальных и выскочили из Москвы на шоссе.

Меня вся эта тягомотина с ожиданием так сморила, что я почти сразу и задремал...

Проснулся в ужасе от какого-то удара. Так и есть – доигрался наш лихач. Резко затормозил и в нас сзади вмазался какой-то грузовик. Зад у нашей «Волги» помят, заднее боковое стекло – вдребезги. Все мы из машины выскочили. Слава Богу, – целы, невредимы. Удар не сильный был. Вся наша кавалькада притормозила, и нам было велено брать вещички

и в оставшиеся машины перегружаться. Бедолагу Зверева бросили одного на дороге – с ГАИ разбираться. Несемся дальше. Мигалки мигают, сирены гудят! Ну, просто боевик какой-то...

Свернули на проселок, проскочили шлагбаум на КПП и, не останавливаясь дальше. Выскочили прямо на летное поле какого-то военного аэродрома. Да, скажу я вам, с таким шиком до этого я никогда не ездил. Ни – до, ни – после. А дальше то – еще хлеще пошло.

Так же на полном газу подлетаем прямо по полю к небольшому самолету, типа АН-12. Тот уже под парами стоит – пропеллеры крутятся. По виду такой же – как и гражданский, только немного переделанный. Видимо специально, для большого начальника. Задница у него (не у начальника, естественно,) открывается, опускается одним концом на землю и превращается в наклонный пандус, по которому «Волга» нашего генерала въезжает прямо в самолет. Оп, ля! И задница закрывается. Можно взлетать. Фантастика, да и только! Джеймс Бонд позабывает!

Правда, на этот раз генерал наш сначала из машины вышел, чтобы рапорт принять. Весь летный состав нашего корабля у трапа уже во фронт выстроен. По стойке смирно ребята стоят. Грудь вперед, руки к фуражкам приложены – все честь отдают! Ну, просто как в кино!

Мы прямо растерялись от всего этого шика. Вещички свои достали и стоим разношерстным нестройным стадом, как крысы тыловые. А генерал на нас одним глазом озорно так поглядывает – доволен произведенным эффектом. И еще пуще. Какие-то там, этим своим, команды отдает. Те руки опускают, поворачиваются по всем военным правилам и по маленькой лесенке строевым маршем восходят прямо в самолет.

Мы стоим, только что, рты не разинули. Теперь генерал уже к нам повернулся, обеими руками нас к трапу приглашает, прошу, дескать, садиться. А морда довольная такая. Знай, мол, наших.

И сам полез первым, следом Пирузян, мы все гуськом, как мышки, за ними. Когда последний из нас вошел, дверца сама захлопнулась, и самолет сразу же покатился по полю.

А в салоне самолета не как обычно – кресла по обеим сторонам, а совсем по-другому. Уютно так все сделано – письменный стол, за который сам генерал и Пирузян сели. Еще один стол с какими-то сиденьями вокруг, какая-то мебель, встроенная. На стене карта за занавеской на веревочке, как в старых фильмах про границу. Не салон, а генеральский кабинет! Не успели расположиться, как генерал из какого-то шкафчика бутылку коньяка достал и специальный поднос со стопочками в ячейках, чтобы по столу не ерзали. Все тоже суетливо зашуршали своими баулами – стали припасы доставать. Быстро разлили и тяпнули по первой – за знакомство. Да, скажу я вам, действительно, как слова из песни – «Как хорошо быть генералом...».

А самолет тем временем уже взлетел. Тут наш генерал и говорит:

– Ну, что, Лев Арамович, раз за знакомство пьем, знакомь меня со своими архаровцами. И тут уже Пирузян ему пистон вставил. В отместку за его пижонство при посадке.

У нас тогда еще институт молодой был. Народ все больше не остепененный. Мало кто и кандидатом наук то тогда был. А он как стал генералу представлять – этот, такой-то – доктор наук, этот – профессор, этот – лауреат... Пирузян то тоже духарной мужик был – с авантюрной жилкой, с хорошим чувством юмора. Сам то он уже членом-корреспондентом к тому времени был. По-настоящему – без дураков. И получалось, что все эта разношерстное сборище в джинсах, – ну, мы, то есть, совсем и не просто кучка каких-то блатных столичных оболтусов, а прямо цвет советской науки. Все такие молодые, талантливые, и уже при таких званиях и степенях. У генерала просто челюсть отвисла от удивления. Даже обращаться стал к нам как-то по-другому.

Ну, под это дело еще вмазали – за удачный полет. Летим.

А тут и генералу снова подфартило, а может это заранее задумано было. Он и закусить то не успел, как вдруг дверь пилотской кабины открылась и в ней – кто-то из экипажа, наверное, сам командир. Честь отдал, как положено и, по всем правилам, к генералу:

– Товарищ генерал. Разрешите обратиться? Каким курсом летим?

А тот рожу сморщил после коньяка и с досадой так на него рукой махнул:

– Пока прямо давай! – типа – не видишь что ли, что не до тебя? – закусываю, и бутерброд в рот засунул.

– Есть, пока прямо! – Командир только ухмыльнулся уголками рта и исчез в своей кабине. Молодец генерал – красиво отыгрался. Сальдо в его пользу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.